

Жан-Филипп ЖАККАР¹

*Из беседы с Юлией Валиевой
Сентябрь 2014 г.
Санкт-Петербург
Затись Юлии Валиевой*

В первый раз я приехал в Ленинград в 1980 году на четырехнедельный летний курс русского языка, организованный ассоциацией «Франция — СССР». Я тогда учился на 2-м курсе Женевского университета. Моей специальностью были французская литература и русская литература и история. Мне хотелось выучить сложный язык, читать литературу в оригинале. Потом я понял, что французское отделение, несмотря на всяких Бюторов и Старобинских², не самое интересное, и с 3-го курса я перешел на русский язык как основной. Русскую литературу у нас читали Жорж Нив? и Шимон Маркиш.

Поскольку в школе в Швейцарии не преподается русский язык, в университете обучение языку начинается с нуля. Литературу нам преподавали со 2-го курса и сразу же на русском. Жорж Нива не понимал нашего еще недостаточно высокого уровня и выбирал для изучения тексты сложные. Первый текст, который мы читали, был «Господин из Сан-Франциско», там неизвестным для нас было каждое слово. Но мы старательно читали, расставляли ударение, как полагается.

За летний курс студент должен был платить сам, это было дорогое удовольствие. Разместили нас в гостинице «Европейская», но номера были очень скромные: истрепанные ковры, душ на этаже. Когда мы прилетели, часа три нас проверяли в аэропорту, и в гостинице мы оказались только около часу ночи. Но как можно прилететь в Ленинград и сразу лечь спать! Я, конечно, сразу пошел

гулять. Вышел на Невский проспект, но куда пойти? Ничего еще не знаю. Решил повернуть направо. Иду, иду, и вдруг открывается — Дворцовая площадь... Это был потрясающий момент.

Занимались мы прямо в «Европейской». Сделано всё было так, чтобы не упускать нас из-под контроля. Мне повезло, в нашей группе был один американец, Майкл, он уже хорошо говорил по-русски, и у него были в Ленинграде знакомые. Мы подружились, и он познакомил меня с Инной и Гришей Мильштейнами (отказниками), они жили на 12-й линии Васильевского острова. Через Майкла я познакомился и с Арменом Григоряном из Библиотеки Академии Наук (БАН). Армен — это фигура! Его отец, Камсар Нерсесович Григорян, был в то время заведующим Рукописного отдела Пушкинского Дома³. Камсар Нерсесович был человек партийный, советских взглядов, а сын — битник, играл на гитаре, пел «Битлз», для него главное — рыбалка, грибы и кухня (он хорошо готовил и приносил в библиотеку угостить сотрудников свои пирожки). Я часто бывал у него дома и заставлял их ссоры с отцом. Работа Армена в БАНе состояла в том, что он ставил на книгах штампы библиотеки: на титульном листе и на странице 17. У него была дневная норма, и к двенадцати часам он ее уже выполнял и весь остальной день пил кофе. Потом, в начале перестройки, когда я уже приезжал (после защиты диплома) по линии Академии наук (это были федеральные программы с шикарными стипендиями по 350 руб. в месяц!), мне сделали официальное отношение в Рукописный отдел Пушкинского Дома, и я побежал с этой бумагой к Камсару Нерсесовичу, он страшно испугался: «Ну хорошо, приходите, но будем делать вид, что мы не знакомы». (Хотя мы были знакомы уже пять лет.)

Как возникла у меня тема Хармса? Эту тему мне предложил Жорж Нива. Я уже учился на последнем курсе, но был в сомнениях,

¹ Жан-Филипп Жаккар (Jean-Philippe Jaccard) — швейцарский славист, заведующий кафедрой русской литературы Женевского университета (Швейцария), специалист по русскому авангарду. Автор многочисленных работ по русской литературе. На русском языке вышли его книги: «Даниил Хармс и конец русского авангарда» (СПб., 1995), «Литература как таковая: От Набокова к Пушкину» (М., 2011). Совместно с В.Н. Сажиным опубликовал «Записные книжки» Д. Хармса» (Хармс Д. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. СПб., 2002). Перевел на фр. язык произведения Д. Хармса и пьесу Н. Эрдмана «Мандат». Составитель сб.: «Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу. 1920-1940» (М., 2007), «Достоевский и русское зарубежье XX века» (СПб., 2008), «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы» (СПб., 2013) и др. Организатор международной конференции «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы» (Женева, 1–3 марта 2012 г.). (Прим. сост.)

² Жан Старобинский (Jean Starobinski) — фр. филолог. (Прим. сост.)

³ К. Н. Григорян (1911–2004) — доктор филологических наук, профессор. Заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома в период с 1980 по 1986 г. (Прим. сост.)

о чем мне писать диплом. Тогда я только что прочитал «Крысолов» Александра Грина и думал, может быть, писать работу о Грине. Но Нива, зная, что я в большей степени интересуюсь дадаизмом, сюрреализмом и особенно Анри Мишо, объяснил мне, что творчество Грина не представит для меня такого научного интереса, и порекомендовал посмотреть бременское издание Хармса, подготовленное Мейлахом и Эрлем, первые два тома которого только что вышли⁴. Потом я сразу же уехал в Ленинград (это был октябрь 1983 года). У меня была официальная тема — детская литература, детские журналы Ленинграда, авторы этих журналов, в том числе Хармс. Меня определили на кафедру советской литературы в ЛГУ, заведовал которой в то время Леонид Федорович Ершов. При разговоре с ним я чувствовал себя как на суде. Он спросил, какая у меня тема, и я решил сказать, что Хармс. Услышав имя Хармса, он посмотрел на меня с презрением и сказал: «Да... У вас маленькая тема. Очень маленькая, крошечная. А Вы знаете, что такое крошечное?» Я не знал. И он сказал: «Крошечное — это ОЧЕНЬ маленькое. Petit!» — и показал рукой. Всё было ясно. Я решил, что с университетом не буду иметь дело.

Мне нужно было собрать библиографию. Я нашел все публикации Хармса, в том числе первые, детские, просмотрел полный комплект «Чижа» и «Ежа»; публикации 1960-х годов, русские и зарубежные, на разных языках; инсценировки — и составил тогда огромную библиографию, в тысячу наименований, с перекрестными ссылками. Это была адская работа. (К сожалению, эта библиография не вошла в русское издание моей книги⁵: редакторы посчитали, что ситуация к середине 1990-х годов изменилась и библиографию необходимо серьезно обновить.)

Я стал искать архивные материалы по Хармсу. Его «детские» стихи и тексты, написанные для вступления в Союз поэтов, хранились в Рукописном отделе Пушкинского Дома, но туда иностранцев не пускали, и я пошел в Публичную библиотеку. Меня направили в Рукописный отдел, и мне повезло, потому что там я встретил Валерия Сажина. Мы познакомились перед каталогом. Началось с того, что он мне объяснил, что по моей «официальной теме» («Хармс и детская литература») ничего нет. Но когда я заметил, что «взрослый» Хармс меня интересует тоже, он сказал, что по этой теме материал есть. Благодаря Сагину мне стали выдавать рукописи Хармса. Конечно, были и работники, старавшиеся меня остановить, видя, что я всё переписываю. Сажин меня защищал. Он мне самому дал понять, насколько важно это изучить и издать (ведь я был еще студентом, весьма легкомысленным).

Я переписывал в тетрадь всё то, что не было опубликовано Мейлахом и Эрлем, а также то, что было напечатано с ошибками в са-

Жан-Филипп Жаккар. Ленинград. 1984 (?) г.

миздате и на Западе. Шесть месяцев я только этим и занимался, приходил к открытию библиотеки и работал там до шести вечера. Если были неразборчивые слова, я спрашивал у Сажина или у своих друзей на 12-й линии. Они обожали Хармса, и мы читали вместе то, что я переписывал за день, и это помогало мне снять вопросы. Вообще, почерк Хармса детский, и его не трудно расшифровать.

Якова Друскина я не застал (он умер в 1980-м году). Зато я был у Харджиева в Москве, мы с ним виделись трижды. Мне дал телефон Нива, предупредив, чтобы я шел к Харджиеву только тогда, когда буду хорошо разбираться в теме. И вот Харджиев назначил

⁴ Хармс Д. Собрание произведений / Под ред. М. Мейлаха и В. Эрля. Т. 1–4. Bremen, 1978–1988. (Прим. сост.)

⁵ Исследование Жаккара сначала вышло на фр. языке: Jaccard, Jean-Philippe. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern: Peter Lang, 1991. В данном случае имеется в виду русское издание этой книги: Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб., 1995. (Прим. сост.)

Сергей Курёхин и Жан-Филипп Жаккар (*справа*). Ленинград. 1984 (?) г.

Жан-Филипп Жаккар (*слева*) и Сергей Курёхин. Ленинград. 1984 (?) г.

рандеву. Сначала он смотрел на меня хмуро, но когда понял, что я ничего не прошу, что я пришел не для того, чтобы оторвать у него какую-нибудь рукопись или картину, то с удовольствием начал рассказывать, угощая коньяком. Когда я уходил, он сам предложил мне зайти к нему еще раз. Конечно, я пришел. Снова был коньяк и рассказы о его встречах с Хармсом... И вот тогда он показал мне последнюю страницу «Елизаветы Бам», о существовании которой я тогда не знал.

Итак, с октября до Рождества я занимался с утра до вечера только Хармсом. Кроме друзей на 12-й линии, я был еще знаком с Евгением Пазухиным. Со своей женой Еленой Жаворонковой он жил у новой тогда станции метро «Пионерская». Я часто бывал у них, и здесь впервые увидел самиздатские журналы («Часы», «37» и другие), что было для меня открытием, — я и не подозревал, что существует целый мир контркультуры! Женя с Леной хотели сразу же повести меня куда-то, знакомиться с поэтами и художниками, но я был сначала немного настороже. Я боялся, что меня вышлют. Зимой, на какой-то вечеринке у Пазухина, я познакомился с Михаилом Поляковым⁶. Я видел его всего один раз, потом его арестовали. (Он работал инженером по ссерокопировальным машинам в БАНе, и там он копировал и потом распространял огромное количество самиздата и тамиздата — Солженицына и др.). В тот день у Пазухина была, как обычно, пьянка. Мы с Поляковым уходили

одновременно, я спросил: «Вы на метро?» Он ответил, что на метро не может, что он прячется (уже почти год) и рассказал почему. Мы расстались. Я — в метро, он — ушел куда-то в метель. Когда я в следующий раз был у Лены и Жени, мне сказали, что Поляков арестован, что его взяли в такси, но он успел какие-то рукописи выбросить в Обводный канал⁷. Я помню омерзительную статью в «Ленинградской правде», обвиняющую его во всех возможных грехах⁸.

Я запомнил наш с Поляковым разговор у метро в ту ночь, до сих пор у меня перед глазами сцена, как он удалялся в метель. Тогда я впервые соприкоснулся с репрессивным механизмом, о котором я до этого знал только по рассказам и книгам. В тот же год, до моего приезда, был арестован Михаил Мейлах, с которым я собирался познакомиться, но не успел. О его аресте я узнал от какого-то ирландца в общежитии, он мне сказал: «Не ищите его, он арестован».

Потом я разыскал Владимира Эрля, мне кто-то дал его телефон. Мы договорились о встрече. Он жил на ул. Дзержинского. В комнате Эрля меня поразили книги: они лежали от пола до самого потолка, при этом корешками к стене — так, что не были видны имена авторов. Комната от этого казалась абсолютно белой. Эрль, как и я, увлекался тогда Беккетом, Ионеско, и мы говорили об абсурдистах и, конечно, о Хармсе.

Той же зимой в Публичной библиотеке я познакомился с Костей Митеневым⁹, он там работал. Костя писал стихи и занимался Ман-

⁶ О Михаиле Полякове см.: Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1990-е. Литературная энциклопедия. М., 2003. С. 311. (*Прим. сост.*)

⁷ Это была распространенная легенда. (*Прим. сост.*)

⁸ Никонов С. Фабрикант печатной отравы // Ленинградская правда. 1984. 14 апр. (*Прим. сост.*)

⁹ О Константине Митеневе см.: Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1990-е. Литературная энциклопедия. М., 2003. С. 273. (*Прим. сост.*)

дельштамом. Благодаря ему я полюбил Мандельштама, он его великолепно читал. Костя меня познакомил с Курёхиным. И началась моя вечерняя жизнь. В шесть часов, после библиотеки, я уже стоял в «Сайгоне»¹⁰, пил там двойные, тройные¹¹ и решал вместе со всеми, куда идти дальше. Напротив, через Невский, был «Соломон»¹², где пили вино. Так мы и ходили через Невский: кофе — вино — кофе — вино. Несколько раз я бывал в «Клубе-81» на семинарах. В первый раз я туда попал с Митеневым на семинар по Йетсу. Потом на нескольких джазовых концертах. Помню также, что присутствовал в «Клубе-81» на пятнадцатиминутной постановке дадаистской вещи «Анна Каренина», и свой поход на вечер В. Кривулина (не состоявшийся из-за запрета).

Из художников я познакомился с Тимуром Новиковым, Котельниковым, митьками (Флоренским, в основном). Я переписал от руки (возможно, уже в следующий свой приезд) «Митьки» и «Максим и Федор» Шинкарёва, переснял иллюстрации Флоренского к этим текстам и по возвращении в Швейцарию предложил в издательство «Синтаксис» М. В. Розановой. Но потом началась перестройка, тексты были изданы в России, а парижское издание, которое я готовил, не состоялось.

Я вошел в эту компанию тоже благодаря своей теме. Меня представляли как человека, который занимается Хармсом. В большей степени я тогда общался с музыкантами — «Кино», «Аквариум», «Странные игры». Часто мы сидели в мастерской у Андрея Медведева на Загородном проспекте, выпивали в компании с Цоем, Витей Сологубом... Мы часто встречались с Курёхиным. Он философствовал, был увлечен Делезом, Деррида и изъяснялся очень сложно. Хотя я уже понимал по-русски практически всё (за исключением, наверное, языка грузчиков), Курёхина иногда понимать было трудно: он говорил очень быстро, очень быстро мыслил и, бывало, перекакивал при разговоре с предмета на предмет...

Виктор Цой и Жан-Филипп Жаккар (справа). Ленинград. 1984 (?) г.

В тот год, уезжая из России, я ощущал, что застал очень важный, переломный момент истории, что здесь происходит что-то крупное, что на это нужно обратить внимание и решающую роль в этом процессе играет культура андерграунда. Мне удалось вывезти пленки с записями Цоя, Курёхина, «ДДТ», «Аквариума», «Странных игр», и потом я крутил ленинградский рок у нас по радио (получилась двух часовая передача). В швейцарском иллюстрированном еженедельнике была напечатана со множеством фотографий моя обзорная статья о ленинградском неофициальном искусстве, рассказать о котором мне представлялось необходимым. Я осознавал, что андерграунд в России является мощным явлением и что та система, которая казалась вечной, вот-вот рухнет.

¹⁰ Кафетерий в Ленинграде, на углу Невского и Владимирского проспектов под рестораном «Москва». (Прим. сост.)

¹¹ Имеется в виду крепкий кофе. (Прим. сост.)

¹² Имеется в виду магазин № 10 (вино в розлив) Райпищеторга, находившийся на Невском пр., д. 83. (Прим. ред.)